19.01.2022 20:33:00

Для оппозиционеров нашли меру пресечения

Запрет определенных действий исключает гражданина из общественных коммуникаций

Екатерина Трифонова
Корреспондент отдела политики "Независимой газеты"

Тэги: валерий рашкин, запрет, политическая деятельность, еспч, правозащита

On-Line версия



Коммунисту Валерию Рашкину запретили политическую активность.
Фото агентства «Москва»

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в решении по очередному иску против РФ приравнял домашние аресты к содержанию под стражей. В обоих случаях, напомнили в Страсбурге, речь идет о серьезном ограничении прав и свобод. А у российских правоохранителей обретает популярность как бы более мягкая мера пресечения – запрет определенных действий. Статистика показывает, что частота ее применения возрастает в полтора-два раза за год. Судебные решения отнять у человека интернет, свободу передвижения и коммуникаций стали приниматься именно по политическим делам, когда надо на время «закрыть» какого-то оппозиционера.

ЕСПЧ в очередной раз был вынужден напомнить российским властям, что домашний арест также является ограничением свободы и прав, а значит, требует обоснованности его применения.

Но причины, на которые ссылаются суды при избрании или продления домашнего ареста, «стереотипны» и «абстрактны». Страсбург напомнил, что «не делает различий между этой мерой пресечения и содержанием под стражей до суда».

На это эксперты «НГ» заметили, что наиболее распространенной мерой пресечения в России по-прежнему остается отправка в СИЗО. Несмотря на то что количество домашних арестов постепенно увеличивается, на общую картину это почти не влияет. Однако, напомнили некоторые эксперты, с середины 2018 года в Уголовно-процессуальном кодексе появилась новая мера, которая называется «запрет определенных действий». И сейчас уже понятно, что ее применяют тогда, когда совсем нет веских поводов «закрыть» человека в изоляторе или хотя бы даже дома. Правда, как выяснила «НГ», многие юристы считают, что критиковать данную меру пресечения преждевременно, поскольку пока нет ни четкого понимания особенностей ее применения, ни какой-то определенной позиции со стороны того же ЕСПЧ.

Тем не менее очевидно, что запрет определенных действий только выглядит более лайтово, а на самом деле действенность этой меры пресечения в пресловутых политических делах ничуть не ниже, чем у арестов домашнего или настоящего. Наглядный пример – дело депутата Госдумы от КПРФ Валерия Рашкина, обвиняемого в незаконной охоте. 13 декабря он был направлен судом на три месяца под запреты такого рода: отправлять и получить корреспонденцию, использовать любые средства связи и интернет, общаться со свидетелями и иными фигурантами, покидать место жительство без письменного разрешения следователя с 23.00 до 7.00. И еще, конечно, Рашкину запрещено посещать любые охотничьи угодья. Как видно за прошедший месяц, вполне очевидное уголовное дело нисколько не продвигается, зато коммунист полностью исключен из медийного и общественно-политического пространства. Что, судя по всему, изначально и требовалось.

Управляющий партнер юркомпании AVG Legal Алексей Гавришев подтвердил «НГ», что постепенно набирает популярность такая относительно новая мера пресечения, как запрет определенных действий. Она во многом похожа на домашний арест, но по ней у адвокатов еще не сложилось однозначного мнения. Хотя, заметил Гавришев, эта мера все чаще применяться «благодаря появлению судебной практики по делам политического и резонансного характера». «Полагаю, что связано такое его применение с отсутствием оснований для применения домашнего ареста или заключения под стражу, то есть более строгих мер», – считает он. Тем не менее любые ограничения, назначенные человеку, являются методом давления на него, и надо обязательно рассматривать решения судов с точки зрения их обоснованности. Основные же отличия двух мер в том, что при домашнем аресте изоляция лица обязательна, а в случае запрета это лишь одно из возможных ограничений.

Как пояснил «НГ» адвокат АБ Москвы «Лебедева-Романова и партнеры» Тимур Харди, запрет определенных действий – это более мягкая по сравнению с домашним арестом мера пресечения, в ее рамках обвиняемый или подозреваемый должен своевременно являться по вызовам следователя и суда. Он напомнил, что «человеку могут запретить, скажем, выходить за пределы дома в определенные периоды времени или общаться с определенными лицами, использовать средства связи и интернет, посещать определенные места или мероприятия». При этом он указал «НГ» на такое важное отличие двух мер: домашний арест по общему правилу избирается до двух месяцев, а потом может продлеваться в порядке исключения максимум до 18, срок же запретов на действия более продолжительный – от 12 до 36 месяцев и без всяких указаний на какую-то исключительность.

Вице-президент Ассоциации юристов по регистрации, ликвидации, банкротству и судебному представительству Владимир Кузнецов уточнил, что если домашний арест применяется как самостоятельная мера пресечения, связанная с изоляцией только в жилище, то запрет можно рассматривать как и самостоятельную меру, так и в качестве дополнения к залогу и домашнему аресту. Он сообщил, что статистика применения запрета определенных действий «к настоящему моменту не столь репрезентативна», как в случае с разными типами ареста. Так, по данным Судебного департамента при Верховном суде, в 2018-м удовлетворено 301 из 347 ходатайств об установлении запрета определенных действий, в 2019-м их число выросло до 1,4 тыс., удовлетворены были 1,2 тыс. В 2020 году было заявлено уже 2,1 тыс. ходатайств, из которых 1,8 тыс. удовлетворено. О продлении прежде установленных сроков в прошлом году следователи ходатайствовали в 3,8 тыс. случаев. «Очевидно, что из года в год применение данной меры пресечения растет», – сказал «НГ» Кузнецов. И все же ее доля пока не идет ни в какое сравнение с заключением под стражу, составив лишь 0,4% в 2019 году.

По словам доцента кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Плеханова Екатерины Арестовой, тому, что домашний арест и запрет определенных действий применяются судами в разы реже заключения под стражу, есть и объективные причины: «Меры контроля за соблюдением наложенных ограничений, а именно – применение технических средств и проведение проверок один-два раза в неделю, не могут в полной мере гарантировать надлежащее поведение подследственных, например помешать им скрыться». Особенно эти запреты проблематично применять к иногородним или тем, кто не имеет собственного жилья.

Руководитель юрколлегии «Белая сова» Денис Хузиахметов заметил, что мера пресечения давно стала способом устрашения обвиняемого, инструментом на пути к признанию им вины: «Потому часто защитой любое решение, более мягкое, чем отправка в изолятор, и воспринимается как

победа». По его словам, возбуждение уголовных дел в последнее время сопровождается применением всего спектра предлагаемых законом мер пресечения от подписки о невыезде до ареста. В общем, «важна персона, вопрос о том, как ее ограничить, вторичен, он решается судами без промедления».

Адвокат МКА «Центрюрсервис» Екатерина Тютюнникова заявила «НГ», что ходатайства об избрании меры пресечения и о продлении срока содержания под стражей «рассматриваются в большинстве случае формально». С одной стороны, суд обязан проверить обоснованность подозрений в адрес человека, а с другой – суду запрещено рассматривать фактическую сторону дела, то есть вопрос о том, совершал обвиняемый преступление или нет. «Указанное противоречие и приводит к тому, что суды формально указывают в постановлении фразу, что подозрение обоснованно, подтверждается материалами», – считает Тютюнникова. Так что де-факто «избрание меры пресечения в виде домашнего ареста вместо заключения под стражу считается большой удачей». Понятно, что запрет определенных действий в этой логике действительно выглядит как своего рода победа.